

Людмила Васильевна Кузьмичева

кандидат исторических наук

Доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Исторический факультет

kuzmicheva3@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7671-6492

ФЕНОМЕН ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕРБО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ 1876–78 ГОДОВ

Аннотация: В статье анализируется характер добровольческого движения в Сербию во время сербо-турецких войн 1876–78 гг. В страну прибыло около 5000 волонтеров из разных стран. Наиболее многочисленным был отряд русских добровольцев. Активно принимали в войне участие болгарские добровольцы. Среди иностранных участников добровольческого движения из стран Европы и Америки было несколько авторов, опубликовавших книги о событиях войны. Они анализировали характер добровольческого движения, взаимоотношения добровольцев с местным населением, приводили примеры героизма и трусости воевавших. Эти книги, а также корреспонденции иностранных журналистов из воюющей Сербии знакомили читателей с народом и обычаями страны, объясняли характер и цели войны и причины ее неудачи.

Ключевые слова: Сербия, сербо-турецкие войны 1876 г., добровольцы, М. Г. Черняев, Н. В. Максимов, Филипп Салусбери, Николо Ладзарро.

Участие нескольких тысяч иностранных добровольцев в сербо-турецких войнах 1876–1878 годов, по-видимому, явление беспрецедентное в истории нового времени. Речь идет не об отдельных участниках боевых действий, прибывших из-за рубежа для помощи сражающейся Сербии, а о массовом явлении, принявшем в случае, в первую очередь, с российскими добровольцами, во многом с болгарскими добровольцами и частично с итальянскими добровольцами организованные формы. Мы можем говорить о добровольческом движении в Сербию в 1876 г. как о многонациональном отряде, пестрым по социальному и профессиональному составу.

Точного и универсального определения термина «доброволец» в международном праве нет. Сегодня чаще всего применяется следу-

ющая формулировка: «Доброволец – это иностранный гражданин, добровольно поступающий в действующую армию одной из воюющих сторон из политических или иных убеждений (исключая материальные) и включающийся в личный состав вооруженных сил. С точки зрения международного права, осуждающего колониализм и агрессивные войны, действия добровольца будут правомерными, если он вступит в армию, ведущую войну в защиту своей страны от иностранного порабощения».¹ Считается, что впервые понятие это было закреплено в конвенции № 5 «О правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны», принятой на Гаагской конференции в 1907 г. В шестой статье первой части этой конвенции говорится: «Ответственность нейтральной Державы не возникает вследствие того, что частные лица отдельно переходят границу, чтобы поступить на службу одного из воюющих».² Добровольцев, безусловно, следует отличать от наемников, которые как раз в различных международно-правовых документах обозначены. В 1989 г. даже была принята ООН «Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников»,³ где в первой статье дано очень развернутое определение самого термина «наемник». Для девятнадцатого века грань эта была очень хрупкой, но все же главным отличием было то, что у добровольцев не было, или, во всяком случае, не должно было быть желания получить личную материальную выгоду. Предполагалось, что доброволец вступает в вооруженную борьбу, руководствуясь идейными соображениями, на стороне тех, кто борется за справедливость. Насколько это можно применить ко всему разноликому корпусу добровольцев, участвовавших в сербо-турецкой войне 1876 г. определить трудно.

Спектр причин, побудивших приехать в воюющую с Османской империей Сербию чрезвычайно разнообразен от простого любопытства и желания посмотреть, что же такое война (англичанин Салусбери), до искреннего сочувствия борющимся за освобождение от османской

-
- 1 С. В. Голованов, *Средства ведения войны в международном гуманитарном праве и международно-правовой статус участников вооруженных конфликтов*, Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. № 14 (2012), 144.
 - 2 <https://docs.cntd.ru/document/902038157?ysclid=ml6d8fw2sr980023462> (дата последнего обращения 31.01. 2026).
 - 3 Организация объединенных наций. Генеральная ассамблея. Резолюции, принятые Генеральной ассамблеей. [Сессия (44), т. 1, 19 сент. – 29 дек. 1989 г. / 28 см., Нью-Йорк, 1990, 425–428.

власти славянам (значительная часть русских добровольцев) и надежды на восстановление своей собственной государственности (болгарские добровольцы). Вопрос мотивации приезда в Сербию добровольцев был актуальным и спорным уже для современников и, прежде всего, в России. При этом не только российская пресса всех направлений занималась этим вопросом, но и колоссы русской литературы – Федор Достоевский и Лев Толстой. И если Достоевский верил в подлинность сочувствия к борьбе славян у большинства добровольцев, то Толстой свои сомнения в искренности и пользе этого общероссийского энтузиазма выразил в написанной в разгар войны восьмой главе романа «Анна Каренина». Его издатель М. Н. Катков даже отказывался печатать эту главу в своем «Русском вестнике», где публиковался с продолжением роман Толстого. И все-таки даже скептик Толстой, вложил в уста одного из едущих в Сербию в целом очень неприглядных добровольцев слова, определяющие мнение большинства простого народа: *«Да что ж, все едут. Надо тоже помочь и сербам. Жалко»*. Подобным же образом ответил на вопрос, во имя какой идеи он приехал в Сербию, и простой солдат-доброволец, мещанин из Тульской губернии, военному журналисту, добровольцу Н. В. Максимову:

«Какая там идея, никакой тут идеи нет!.. тут просто турка... бить его надо, — вот и все!..

— Что же вам турки худого сделали?..

— Как что худого?.. нешто так можно болгар обижать? !

*А-а-а... вот она, разгадка нашего русского увлечения! Вот как вопрос просто решается. Вот почему поехали в Сербию все мы, русские! Вот почему становятся под знамена все в один ряд, без различия звания, лет, положения, партий и национальностей! Вот почему сошлись на поле битвы: солдаты, полковники, мещане, крестьяне, купцы, студенты, либералы, социалисты и т.д.»*⁴

В зависимости от мотивов приезда в Сербию русские добровольцы, по мнению все того же Максимова, представляли собой разные слои общества:

«Можно сказать, что в Сербии сосредоточились русские люди различного склада. Были тут и пьяные бездомники [...] Были в Сербии и жаждущие военной славы, ордена Такова, медали, увлекшиеся лиши-

4 Н. В. Максимов, *Две войны. Воспоминания из событий последних войн. 1876–1877 гг.* Ч. 1. Война в Сербии, Санкт-Петербург, 1879, 51–52.

ним чином, более возвышенным положением в армии. Были в Сербии и авантюристы, которые струсив на первых порах, уходили из своих батальонов, впрочем, таких было мало. Были в Сербии очень честные молодые люди, которые можно сказать бессознательно явились в Сербию из жажды сильных ощущений. [...] Они вставали во фронт и умирали, умирали только потому, что всегда и при всех обстоятельствах жизни привыкли честно исполнять свои обязанности [...] Были в Сербии и люди, вставшие под ружье просто из чувства сострадания к ближнему: таких людей было большинство. Такие люди вышли из народной среды русского общества и эти люди были самые честные, самые непорочные, самые исполнительные, самые молчаливые, самые храбрые и добросовестные».⁵

При этом Максимов не отрицал, что были среди русских добровольцев и те, кто разочаровался в своем решении. Так, рассказывая о гибели Д. А. Гольдштейна в боях при Алексинаце, Максимов с горечью констатировал, что «он назвал свою смерть “глупой смертью” и заявил, что он ошибся в принципе в той идее, которая влекла его в Сербию». Максимов считал, что Гольдштейн относился к особой группе добровольцев: «...такие люди, явившись в Сербию сознательно, из-за идеи ошиблись в принципе. Они умирали ужасною смертью! Они умирали с ясным сознанием того, что они ошиблись, что они умирают совершенно бесполезно для себя, для сербов, для всего славянского вопроса, для всего человечества».⁶

Были такие же разочаровавшиеся, по свидетельству Максимова, и среди добровольцев из других стран. Так, безымянный французский полковник, волонтер заявил, что не верит больше в необходимость и смысл этой войны, поскольку «сербский народ в этой войне собственно не участвует, потому что для серба эта война неестественна, потому что он ее не понимает, не чувствует в ней потребности, не нуждается в ней».⁷ Он объяснял это тем, «что сербы чувствуют себя свободными настолько, что им нет необходимости воевать и что пока им не надо иной свободы и независимости».⁸

В России официальные круги также пытались выяснить, чем был вызван энтузиазм добровольческого движения. Шефу жандармов

5 Пчела 7 (1877), 109.

6 Там же, 110.

7 Н. В. Максимов, Две войны, 49.

8 Там же, 50.

Н. В. Мезенцеву было дано задание собрать достоверную информацию о том, каковы были побудительные причины сочувствия к славянам, и как относятся к событиям на Балканах разные сословия русского общества. Обобщив все донесения, Мезенцев в докладе Александру II об отношении различных классов России к освободительному движению южных славян и возможной войне России с Турцией подробно разбирает отношение всех сословий, отмечая некоторую индифферентность духовенства, купечества и части дворянства, и приходит к следующему выводу: «...искреннее, сознательное сочувствие балканским славянам проникло во все сословия. Поддерживаемое русской периодической печатью и воззваниями славянских комитетов, чувство это крепло и развивалось и нередко даже в различных слоях общества, особенно в интеллигентной среде, выражалось нетерпеливым ожиданием вмешательства русского правительства в неравную, кровопролитную борьбу».⁹

Всего в войне участвовало свыше 5 тысяч иностранных добровольцев. По численности первое место занимали русские и болгарские добровольцы. Но были и представители других стран и народов. Война велась на четырёх фронтах – Ибарском, Дринском, Тимокском и Моравском. Основная масса русских и болгарских добровольцев была сосредоточена на Тимоко-Моравском направлении войны, где армией руководил российский генерал Михаил Григорьевич Черняев. Движению российских добровольцев посвящено немало воспоминаний, документов и научных работ. Начав заниматься этой темой почти пятьдесят лет назад, я с интересом продолжаю ее исследовать, находя все новые сюжеты.¹⁰

9 Освобождение Болгарии от турецкого ига: документы в трех томах. Том I, Освободительная борьба Южных славян и Россия 1875–1877, под ред. С. А. Никитина и др., Москва, 1961, док. 330.

10 Л. В. Кузьмичева, *Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г.*, Россия и Восточный кризис 70-х гг. XIX в., под ред. И. А. Федосова и др., Москва, 1981, 77–98; Она же, *Руско-српска ратна сарадња у Источној Србији 1876–1878*, Браничево у историји Србије, зборник радова са међународног научног скупа, гл. и одг. ур. Д. Алексић, Пожаревац–Београд, 2008, 517–534; Она же, *Штаб М. Г. Черняева и русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 года*, Алексинац и околина у прошлости, 500 година од првог писаног помена 1516–2016. Зборник радова са међународног научног скупа одржаног 3. септембра 2016. године у Алексинцу, гл. и одг. ур. С. Рајић, Алексинац, 2016, 255–280; Она же, *Журнал «Пчела» М. О. Микешина о русском добровольческом движении в Сербию в 1876 г.*, Русские добровольцы в Сербии 1876: тематический сборник трудов, отв. ред. А. Тимофеев, Београд, 2022, 45–62; Она же, *«Над Сербией смилуйся ты, Боже!»: очерки истории русско-сербских отношений накануне и в годы Великого восточного кризиса 1875–1878 гг.*, Београд, 2022.

В апреле 1876 г. в Сербию прибыл генерал-майор М. Г. Черняев, поступивший на сербскую службу, вслед за ним в мае приехало несколько русских офицеров. В недрах русского общества разрасталось добровольческое движение. 6 июля 1876 г. погиб в сражении под Великим Извором активный общественный деятель, славянофил и член Петербургского славянского комитета Н. А. Киреев, хорошо известный широким кругам русской общественности и «...движение добровольцев из России, сначала слабое и боязливое, со смерти Киреева быстро двинулось вперед».¹¹ Примерно с середины июля 1876 г. движение волонтеров в Сербию приобретает массовый характер. Славянские комитеты, руководствуясь просьбами Черняева, постановили, что в первую очередь должны посылаться офицеры и отставные солдаты.¹² В связи с такой направленностью вербовки добровольцев, мы можем разделить добровольческое движение на два этапа. С мая 1876 г. по 27 июля 1876 г., в Сербию ехали преимущественно отставные военные, или офицеры, специально выходившие в отставку для того, чтобы присоединиться к борющимся сербам. Таких военных было немного, а сербской армии были крайне нужны кадровые военные. Второй этап начался 27 июля 1876 г., когда Александр II «открыто объявил в Красном Селе о разрешении офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны». Начинается массовое движение русских добровольцев в Сербию. Русские офицеры выходили во временную отставку и партиями уезжали в Сербию. П. А. Гейсман в своих воспоминаниях говорит, что выходя во временную отставку, надлежало было подать установленным порядком прошение об увольнении от службы, а «затем уже отправляться на Балканский полуостров в качестве частных лиц за действия которых правительство не отвечало».¹³ Если на первом этапе в Сербию отправляются такие офицеры, как Н. А. Киреев, Н. Н. Раевский,¹⁴ глубоко верившие в справедливость предстоящей им борьбы, то на втором этапе

11 А. Н. Хвостов, *Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма*, Санкт-Петербург, 1877, 9.

12 *Освобождение Болгарии от турецкого ига*, Т. I, док. 164.

13 П. А. Гейсман, *Славяно-турецкая борьба 1876–1877–1878 гг. и её значение в истории развития Восточного вопроса. Мысли, воспоминания и впечатления П. Гейсмана, бывшего участника войн 1876 и 1877–1878 годов. Часть I: Сербско-турецкая война 1876 года. С тремя картами*, Санкт-Петербург, 1887, 31.

14 Судьбе и героической гибели в Сербии Н. Н. Раевского посвящена монография: А. Л. Шемякин, *Смерть графа Вронского*, Санкт-Петербург, 2007.

в их ряды попали и те, кто, мало что знал как о характере войны, так и о самом Сербском княжестве.

Вопрос о числе русских добровольцев в Сербии остается открытым, цифры разнятся. Доброволец и один из первых исследователей российского добровольческого движения А. Н. Хвостов, основываясь на материалах славянских комитетов, писал: «Русских было поочередно заменяющих опустелые ряды до 4000. Эта цифра самая верная, основанная на расчетах славянских комитетов, как мне известно, в одно и то же время в Моравской армии было не более 2200, в Ибарской до 130, а на Дрине не свыше 50 человек... больше не могло быть по недостатку средств комитетов, хотя являлось и много желающих отправиться».¹⁵

В историографии практически полностью обойдено вниманием участие других иностранных добровольцев в этой войне, а такого массового, пёстрого и многонационального добровольческого движения, пожалуй, прежде не знала военная практика.

Болгарским добровольцам, правда, посвящено немало работ в болгарской историографии и в первую очередь монография Елены Хаджиниколовой «Болгары и сербо-турецкая война 1876 г.».¹⁶ В меньшей мере ученые обращаются к другим волонтерам-иностранцам.

Прибывший в Сербию добровольцем русский художник Василий Дмитриевич Поленов записал в свой дневник: «Каких, каких только национальностей нету в армии. Славяне всех родов и видов, румыны, итальянцы, немцы, прусаки, швейцарцы, шведы, американцы, шотландцы, даже англичане, не знаю, есть ли французы».¹⁷ Среди добровольцев в сербо-турецкой войне были люди разных национальностей, прибывшие из разных стран. Кроме того, значительными были добровольческие отряды, составленные из сербов турецких областей, а частично из «австрийских» сербов.

Пожалуй, наиболее ярко выраженный интернациональный характер среди добровольческих отрядов, в которых находились и русские добровольцы, носил конный эскадрон под командованием полковника Андреева. Из очерка участника боевых операций этого эскадрона Людомира Александровича Ржевусского мы знаем, что в него входили:

15 А. Н. Хвостов, *Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан*, 38.

16 Е. Хаджиниколова, *Българите и сръбско-турската война 1876*, София, 1996.

17 А. А. Фомина, *Василий Дмитриевич Поленов на сербско-турецкой войне 1876 г.*, *Славянский альманах* 1–2 (2022), 313.

австрийские сербы (составлявшие главный его контингент), несколько отставных русских солдат, пятеро поляков, датчанин, канадец, австриец. Офицеры же, по сведениям Ржевусского, все были русские, за исключением Крушенбаха из Пруссии и англичанина Салусбери.¹⁸ Примечательно и то, что этот эскадрон был практически единственной боевой кавалерийской частью сербской армии. Эскадрон был сформирован американцем Мак-Ивером,¹⁹ а после того, как он был отозван в штаб Черняева, на его место заступил полковник Андреев, назначенный впоследствии Черняевым командиром всей сербской конницы. В августе к эскадрону присоединились две четы черногорской пехоты.²⁰

Особое место занимают добровольческие отряды, составленные из болгар.²¹ Русско-болгарская бригада под командованием полковника Николая Юлиановича Медведовского приняла участие в кровопролитных сражениях середины сентября первой половины октября.²² Кавалергард, полковник, кавалерист Медведовский был из тех кадровых офицеров, которые намеренно вышли в отставку, чтобы ехать воевать в Сербию.

Добровольцы были разбросаны по разным частям сербской армии. Только к середине сентября 1876 г. началось формирование отдельной добровольческой дивизии, но тяжелые бои у Джуниса, русский ультиматум Турции и прекращение военных действий приостановили этот процесс.

В РГВИА хранится «Строевой рапорт дивизии добровольцев»,²³ датированный декабрем 1876 г. Этот документ дает представление о том, как планировалось ее укомплектование. Дивизия состояла из 8 батальонов: княгини Натальи, 2-х русских батальонов, черногорского батальона, арнаутского батальона, 2-х русско-болгарских батальонов и русско-сербского батальона, а также кавалерии. Из 3313 добровольцев

18 А. А. Ржевусский, *Памятные дни*, Русский вестник 153 (1881), 646–677.

19 См. Х. Мак-Ивер, *Впечатления сербской войны*, Санкт-Петербург, 1876, 7–10.

20 Российский государственный военно-исторический архив (=РГВИА), Ф. 261, Д. 7, Л. 1–2.

21 Ц. Генов, *Добровольческое движение на Балканах во время сербо-турецкой войны 1876 г.*, *Congres ds etu des balkaniques et Sud-Est Europ eenes*. 1–er. 1966. Actes H 4, Sofia, 1969, 234.

22 О создании бригады см. Е. Хаджиниколова, *Българите и сръбско-турската война 1876*, 117–118.

23 РГВИА, Ф. ВУА, Д. 8977, Л. 6–15.

дивизии – русских 1431, сербов – 924, болгар – 402, черногорцев – 256. В дивизию входили также музыканты и лекари. Командир дивизии – полковник А. П. Меженинов, которому жители Белграда поднесли золотую саблю с надписью «храбрейшему из храбрых», а князь Милан наградил его орденом Такова 1-ой степени.

Болгарское добровольческое движение, безусловно, было самым мотивированным, поскольку речь шла о возможном освобождении болгарских земель от османского присутствия. Оно долго готовилось и финансировалось Болгарским Центральным благотворительным обществом. Подготовка к возможной войне велась уже в 1875 г., в ней участвовали как болгарские воеводы, так и офицеры и унтер-офицеры российской армии, получившие военное образование в России.²⁴ На болгарских добровольцев возлагал большие надежды сам М. Г. Черняев. Он искренне полагал, что с их помощью удастся поднять восстание в Нишской области, а затем и во всей Болгарии. Когда же этого не случилось, он был разочарован в болгарях, о чем писал Аксакову. В ответ тот просил его быть снисходительнее и дал следующую характеристику сербо-болгарским отношениям: *«Ходит молва, что Вы осербились и стали на сербскую точку зрения относительно болгар. Не хочу этого думать. Вы русский и мы, русские, должны стоять выше болгар и сербов и смотреть шире их. Для России болгары и их независимость не менее дороги, чем сербы и их независимость, и страшные бедствия, претерпеваемые болгарями, в сильной степени способствовали сочувствию в России, следовательно, послужили и на пользу сербам. Эти два племени ненавидят друг друга, и одно другого стоит. Я знаю хорошо и тех, и других. Оба испорчены многовековым рабством и растленным влиянием турецкого азиатизма»*.²⁵

На самом деле болгары сражались самоотверженно. Поленов, в частности рассказывает нам о раненом болгарине, которого он видел в палате польского доктора Островского: *«...без руки и с раздробленной*

24 Е. Хаджиниколова, *Братство «Просвещение», Московский Славянский комитет и Българското Централно благотворително общество (1876)*, Россия, славянский мир и их соседи: проблемы политических и культурных связей. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 360-летию Переяславской рады (15 ноября 2014 г., г. Краснодар), научн. ред. и сост. Э. Г. Вартамян, О. В. Матвеев, Краснодар, 2014, 93–101.

25 М. Г. Черняев, *Статьи, письма, воспоминания*, под редакцией А. А. Ширинянца, А. И. Волошина, Москва, 2018, 43.

ногой молоденький болгарин. Островский с ним шутит, обещает скорого выздоровления — тот доверчиво, даже с любовью ему улыбается — мне же Островский говорит, что он почти к смерти приговорен».²⁶

Яркую зарисовку о своей встрече с болгарскими добровольцами и их вождем гайдуком Ильей дал в своем дневнике будущий известный общественный деятель Сербии Пера Тодорович, служивший переводчиком при штабе Черняева. Он высоко оценивал боевой дух и мужество Болгарской дружины, понесшей в боях серьезные потери.

Несколько слов о других иностранных добровольцах.

Американцы

Несколько американцев присутствуют в воспоминаниях и очерках о сербо-турецкой войне. Сербскую армию во время войны инспектировал герой Гражданской войны в Америке генерал Эмори Аптон (1833-1881) из армии Соединенных штатов,²⁷ а американка Жанини, жена итальянского консула в Белграде, устроила за свой счет полевую кухню и ежедневно кормила 100 человек. В очерке сербского ученого Владимира Стоянчевича об американском добровольце в сербской армии в войне 1877-78 гг. Феликсе Вайтере,²⁸ известном в Сербии под именем Сречко Далекевич приводятся данные из воспоминаний Василие Алимпича о безымянном американском добровольце которому ампутировали ногу. Его посетил в госпитале князь Милан среди других раненых и по-французски спросил его откуда он, тот ответил, что из Чикаго и намерен остаться в Сербии для продолжения борьбы. Он остался в Белграде и так освоился со своим деревянным протезом, что практически его увечье было незаметно. Возможно, именно этого раненого американца, у которого была ампутирована правая нога, встретил в первые дни своего пребывания в Белграде Н. В. Максимов. Раненый попросил его по-английски передать сербам просьбу «нести носилки на руках до больницы, а не класть их на телегу».²⁹

26 А. А. Фомина, Василий Дмитриевич Поленов, 325.

27 Р. Н. В. Salusbury, *Two months with Tchernaijeff in Servia*, London, 1877, 109.

28 В. Стојанчевић, *Један Американац, српски добровољац у рату Србије са Турком 1877/78. године*, Зборник Историјског музеја Србије 23 (1986), 93–96.

29 Н. В. Максимов, *Две войны*, 13–14.

Одной из ярких фигур среди иностранных добровольцев был американский полковник, шотландец по происхождению, Генри Мак-Ивер (или Макайвер) (1841-1907). Профессиональный военный, он за свою жизнь воевал в 18 армиях. Участвовал в гражданской войне в Америке, сражался в Мексике, Бразилии, Египте и Аргентине, вместе с будущим королем Сербии Петром Карагеоргиевичем³⁰ участвовал в восстании в Герцеговине в 1875 г. В Сербию он прибыл в самом начале войны, командовал русско-сербской кавалерийской бригадой. Но языка он не знал, понимали его с трудом и в бригаде были рады, когда его сменил полковник Андреев. Князь Милан наградил его Таковским крестом. В 1906 году нью-йоркский журналист Ричард Хардинг Дэвис, включивший его биографию в свою книгу «Настоящие солдаты удачи», писал, что именно в Сербии, в сербской армии Мак-Ивер достиг наивысшего взлета своей карьеры и пережил самый счастливый период своей жизни.³¹

В 1876 г. в Лондоне из под пера Мак-Ивера вышла небольшая книжка «Впечатления сербской войны». Она была сразу же напечатана в русском переводе и была чрезвычайно популярна в России.³² Появившись в канун русско-турецкой войны, она дала новый импульс сочувствия балканским славянам поскольку была переполнена описанием ужасов зверств турецкой армии над мирным населением, глумления и пыток, творимых черкесами и башибузуками над пленными и ранеными, издевательства над сербскими женщинами. В книге давалась высокая оценка русским офицерам и опровергались обвинения сербов в трусости.

Англичане

Львиную долю сведений об участии англичан в качестве добровольцев в сербо-турецкой войне 1876 г. содержится в объемной, в 300 страниц, книги юного, 21-летнего английского офицера Филиппа Салусбери «Два месяца с Черняевым в Сербии».³³ Книга вышла в Лондоне уже весной 1877 г. и познакомила широкую британскую

30 Петр Карагеоргиевич участвовал в Боснийско-герцеговинском восстании в 1875–76 гг. под псевдонимом Петар Мркоич. Это имя легендарного гайдука XVII-го века, который вошел в сербский эпос.

31 R. H. Davis, *Real Soldiers of Fortune*, https://www.gutenberg.org/cache/epub/3029/pg3029-images.html#link2H_4_0001 (дата последнего обращения 31.01. 2026).

32 Х. Мак-Ивер, *Впечатления сербской войны*.

33 P. H. B. Salusbury, *Two months with Tchernaijeff in Servia*.

публику с событиями на Балканах глазами молодого, необстрелянного кавалерийского офицера, впервые увидевшего ужасы войны, страдания мирных сербских жителей, у которых турки сожгли целые села, изуродованные озверевшим противником трупы пленных и раненых сербских и русских воинов. Характерно, что сам автор честно признается, что поехал в Сербию ничего не зная о ней и ее борьбе, и сделал это потому, что *«поскольку мне особенно нечего делать, я мог бы приобрести некоторый опыт ведения реальной войны, если бы отправился в Сербию и присоединился к силам, собранным там против турок...»*.³⁴ Выехав в Сербию, куда он даже дороги не знал, он попал туда 7 августа, в самый разгар тяжелых августовских боев, участником которых он стал. Кавалерии в Сербии практически не было, и он как драгунский офицер был зачислен в кавалерийский эскадрон, а вскоре стал адъютантом начальника штаба Черняева Д. П. Дохтурова.

Сразу по прибытии в Белград он встретил соотечественников. Он представляет их читателю: *«У нас собралась довольно большая английская компания; там был полковник Гурли..., Спунер...; Бойд, мой старый школьный товарищ по Вестминстеру; Брок и Хьюм (эти трое были из медицинского персонала); и Корболд, талантливый художник из Иллюстрейтед Лондон Ньюс»*.³⁵

Вскоре эти молодые хирурги-англичане показали свои профессиональные навыки в санитарной палатке под Заечаром. Салусбери застал их, когда Бойд, Хьюм, Брок и молодой Сандвит, сняв пиджаки и закатав рукава рубашек, работали, демонстрируя покрытые запекшейся кровью руки: *«...извлекали пулю из одного человека, ампутировали руку у другого и перевязывали раны третьему... одного бедолагу раздели, чтобы осмотреть многочисленные раны, от которых он страдал; он был с головы до ног залит кровью, а часть его внутренностей была вырвана разорвавшимся снарядом. Бойд сказал мне, что этот страшно искалеченный человек не мог прожить больше часа: ему было грустно умирать так далеко от дома и друзей, потому что он был одним из немногих русских, которые находились в войсках, окружавших Заечар»*.³⁶

34 Там же, 1–2.

35 Там же, 111–112.

36 Там же, 238.

Голландцы

Среди добровольцев были и женщины, в основном они занимались санитарным делом, но были и женщины-воины. Легендарной сербской Жанной Дарк звали воевавшую в Герцеговине, а затем в Сербии на Дринском фронте голландку Жанну Меркус (1839–1897).³⁷ Свое огромное состояние она пожертвовала на дело повстанцев.

Итальянцы

Целый отряд гарибальдийцев, участников неудавшегося восстания в Болонье в 1873 г. прибыли на Дринский фронт сербо-турецкой войны и доблестно там сражались. Один из них, Джузеппе Барбанти-Бордино (1853–1931), написал две книги о пребывании отряда гарибальдийцев в Сербии.³⁸ Автор принадлежал к леворадикальному революционному крылу итальянских социалистов и даже участвовал вместе с Бакуниным в попытке поднять антиправительственное восстание в Болонье. В книге содержится история Сербии, этнографические и географические описания, ход боевых операций, в которых участвовали гарибальдийцы. Автор был свидетелем похорон и переноса тела русского добровольца полковника Николая Николаевича Раевского. К книге приложена переписка автора с Джузеппе Гарибальди. Барбанти объяснял мотивы приезда гарибальдийцев в Сербию и подчеркивал, что его и товарищей привело сострадание к борющемуся славянскому народу. А вот другой итальянец, двадцатилетний граф Браччиали, который был военным атташе в Великобритании и дослужился до чина капитана итальянской конной артиллерии, участник франко-прусской войны «*приехал в Сербию, чтобы поправить здоровье, которое пошатнулось из-за чрезмерной учебы в Санкт-Петербурге*».³⁹ Полиглот, он один из немногих иностранцев немного знал сербский язык. В Сербии он возглавил батальон, состоящий из итальянцев.

37 R. Grémaux, *Alone of All Her Sex? The Dutch Jeanne Merkus and the Hitherto Hidden Other Viragos in the Balkans during the Great Eastern Crisis (1875–1878)*, *Balkanica* XLVIII (2017), 67–106.

38 G. Barbanti Brodano, *Serbia. Ricordi e studii slavi*, Bologna, 1877; G. Barbanti Brodano, *Su la Drina. Ricordi e studii slavi*, Milano, 1878. Перевод на сербский язык: Ђ. Барбанти-Бродано, *Гарибалдинци на Дрини 1876*, Београд, 1958.

39 P. H. B. Salusbury, *Two months with Tchernaijeff in Servia*, 175.

Французы

Среди французских волонтеров были как старшие офицеры, так и совсем молодые волонтеры. Так, Салусбери пишет о гибели шестнадцатилетнего француза *«разорванного в клочья снарядом»*.⁴⁰ Но не все иностранные добровольцы принимали реалии этой войны. Заслуживает интереса рассказ Н. В. Максимова о встрече в августе 1876 г. с покидающим Сербию французским полковником, упомянутом выше: *«Полковник передал мне, что он служил в армии Черняева и что в настоящее время он совершенно разочарованный положением дел в армии, едет обратно во Францию. Причины разочарования сводились все к одному и тому же: к трусости сербов, к отсутствию энтузиазма в войске, порядков, дисциплины и т. д.»*⁴¹

Черногорцы

Храбрость черногорцев их непримиримость и даже жестокость к врагу нашли отражение во многих воспоминаниях участников войны. Яркие впечатления оставил В. Д. Поленов пишет о двух четах черногорцев.⁴²

Иностранные журналисты

Восточный кризис 1875-78 годов был событием, которое широко освещалось как российской, так и мировой прессой. Особое место среди иностранных добровольцев занимали журналисты. Причем в основном это были профессиональные военные журналисты, принимавшие участие в боевых действиях.

Хорошо известны имена российских журналистов, освещавших эти события сербо-турецкой войны.⁴³ Среди них были и женщины, известно в том числе и громкое имя уголовной преступницы Настасьи Васильевны Каировой, прибывшей в Сербию и освещавшей события войны летом 1876 г. в качестве корреспондентки суворинского «Нового времени», а в 1877-78 г. она писала о событиях русско-турецкой войны уже в газете «Голос».

40 Там же, 185.

41 Н. В. Максимов, *Две войны*, 4.

42 А. А. Фомина, Василий Дмитриевич Поленов, 345.

43 См., например: Л. В. Кузьмичева, *Журнал «Пчела» М. О. Микешина о русском добровольческом движении в Сербию в 1876 г.*, 45–62.

Значительно меньше внимания уделялось иностранным корреспондентам периода Великого Восточного кризиса. Пожалуй, в отечественной литературе, наиболее хорошо известна журналистская работа американского военного корреспондента «New York Herald» Януария Мак-Гахана (1844–1878). Его впечатляющие очерки о турецких зверствах при подавлении Апрельского восстания для британской газеты «Daily News» перепечатали не только российские, европейские и американские издания, но и газеты далекой Австралии. Его жизнь оборвалась в 1878 г., когда он освещал события русско-турецкой войны, а дело продолжила его русская жена Варвара Николаевна.⁴⁴

Самый большой корпус военных корреспондентов на сербо-турецкой войне составляли англичане. Яркой личностью был шотландец, профессиональный военный, кавалерист и журналист Арчибальд Форбс (1838–1900), освещавший события франко-прусской войны и трагедию Парижской коммуны. Он и его товарищ Грант представляли в Сербии лондонскую «Daily News». Филипп Салусбери восхищался профессионализмом и мужеством Форбса, считая, что не было таких трудностей и такой опасности, которым он не подвергался бы в поисках материалов для своих ярких и интересных очерков. Он писал: «Те, кто знаком с мистером Форбсом, знают одного из самых выдающихся людей современности»⁴⁵ и восхищался храбростью, которую проявил Форбс при тушении пожара в штабных помещениях.⁴⁶

К числу замечательных добровольцев-журналистов относится и итальянский корреспондент газеты «Illustrazione Italiana» Николо Ладзаро (1842–1919), известный в своей стране серией военных репортажей в 1870-х гг. В 1877 г. в Милане вышла в свет его книга «Сербия в войне 1876 года»,⁴⁷ вобравшая в себя его репортажи и дневниковые записи. Книга его содержит не только картины боевых действий на Ибарском и на Тимоко-Моравском фронтах, где он побывал, но и зарисовки городов и сел Белграда, костюмов сельских и городских

44 С. И. Косарев, И. В. Косарева, *Американский агент «русского влияния» (памяти Я. А. Мак-Гахана)*, Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология /литературоведение/языкознание/педагогические науки 4/30 (2016), 43–46.

45 Р. Н. В. Salusbury, *Two months with Tchernaijeff in Servia*, 180–181.

46 Там же, 188.

47 N. Lazzaro, *La Serbia durante la guerra del 1876*, Milano, 1877.

жителей. Некоторая предвзятость итальянца присутствует в описании сербских женщин, которые все кажутся ему некрасивыми, маленькими и толстыми. Впрочем, ему не нравились и русские медицинские сестры, и глаз его порадовала только приехавшая к добровольцу мужу итальянка. Книга содержит рассказы как о подвигах, так и о фактах жестокости и трусости на войне. Нелицеприятные впечатления остались у него от некоторых русских добровольцев, разгульно ведущих себя в кафанах Белграда.⁴⁸ Николо Ладзаро был талантливым художником и его труд богато иллюстрирован. На его рисунках не только виды Белграда, но и портреты полководцев и рядовых воинов, а также журналистов, освещавших события войны. Правда, поначалу ему пришлось объясняться по поводу своих зарисовок в полицейском управлении Белграда, куда его доставили вместе с коллегой, художником и журналистом Диком де Лонле. Зарисовывать местность и здания в условиях военного времени строго запрещалось, но все же им удалось получить на это специальное разрешение сроком на шесть дней.⁴⁹ Ладзаро находился в Сербии четыре месяца, то есть на протяжении всей войны, еженедельно отправляя корреспонденции в свою газету. Они стали основой его книги. Ему, одному из немногих журналистов, удалось получить разрешение от генерала Черняева для пребывания на арене боевых действий в районе Делиграда и Алексинца.⁵⁰

Иностранным корреспондентам из опасения разглашения военных сведений или передачи их противнику было запрещено находиться на боевых позициях. Н. В. Максимов, пишет о своей встрече в Белграде с таким рассерженным *«помощником корреспондента одной венской газеты»*, который рассказал, что *«большинство из корреспондентов немецких газет жило в продолжение войны постоянно в Белграде. Они не ездили в армию, потому что встречали затруднения в министерстве на получение “объявы” и потому, что Черняев не пускал их в армию»*. Корреспонденты вынуждены были довольствоваться сведениями нанятых ими агентов, которые собирали сведения от мирного населения неподалеку от линии фронта. Этот агент австриец, видимо, не мог собрать достаточно информации и поэтому был зол и ругал Черняева. *«Какой порядочный полководец будет запрещать свободное пребывание*

48 Там же, 126–130.

49 Там же, 14.

50 Там же, 71–75.

корреспондентам в армии.... *das ist ja Schweinerei!*... кричал длинный немец». ⁵¹ Эти недоразумения вызывали конфликты, и порой следствием были негативные статьи в изданиях, которые представляли журналисты. Такой стала история с приехавшим в качестве наблюдателя и журналиста английским полковником Гамильтоном, которого поначалу Черняев не пустил на позиции, о чем немедленно появилась статья в «Таймс». ⁵²

Отдельного разговора требует и анализ медицинской помощи в Сербии, оказываемой иностранцами. Безусловно, русские полевые госпитали с соответствующим штатом врачей ⁵³ и сестер милосердия ⁵⁴ по численности превосходили другие иностранные санитарно-медицинские отряды. На 1-е сентября 1876 г. в Сербию только обществом Красного Креста было отправлено 95 врачей, 111 фельдшеров, 60 сестер милосердия. ⁵⁵ В Сербии к началу войны слабо была налажена организация санитарной службы, и заслуга создания госпиталей для помощи раненым принадлежит русским врачам. Однако, как госпитали, прибывшие из других стран, так и медики-энтузиасты, прибывшие самостоятельно, заслуживают уважения, а их трудная работа еще ждет исследователей. Это и медицинские сестры из Цюриха, о которых пишет В. Д. Поленов, и восхитивший Черняева румынский санитарный отряд, и молодой итальянский врач Поджиоли из Болоньи, и уже упомянутые английские хирурги, и польский доктор Островский, и многие-многие другие. О самоотверженной работе на передовой австрийского врача Штинглера пишет Н. В. Максимов: *«Шагах в тридцати от батальона доктор перевязывал раненых. Австрийский еврей смело стоял под огнем, останавливал кровь, клал повязки так же спокойно, как будто в больнице; только усиленный приток раненых заставлял его несколько торопиться. — Вы рискуете, доктор! — Что же делать?... Хуже то, что нет ни людей, ни повозок перевозить эти трупы, заметил врач»*. ⁵⁶

51 Н. В. Максимов, *Две войны*, 54–55.

52 Х. Мак-Ивер, *Впечатления сербской войны*, 21–23.

53 Подробный анализ русской медицинской помощи представил С. П. Коломнин, участник сербо-турецкой войны: С. П. Коломнин, *Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г.*, Санкт-Петербург, 1878.

54 Е. Н. Козловцева, *Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.)*, Славянский альманах 1–2 (2010), 188–194.

55 *Освобождение Болгарии от турецкого ига*, Т. I, док. 245.

56 Н. В. Максимов, *Две войны*, 188.

Иностранные добровольцы – англичанин Филипп Салусбери, итальянцы Джузеппе Брабанти и Николо Ладзарро, американец Генри Мак-Ивер написавшие книги о войне сразу же по ее окончании способствовали формированию общественного мнения в Европе, Америке и России, призывали к сочувствию делу борьбы балканских славян за независимость. Эти авторы, непосредственно участвовавшие в боевых действиях, видевшие как подвиги, так и трусость воевавших, яростные атаки добровольцев и бегство с поля битвы дезертиров из ополчения, наполнили свои книги любовью к сербскому и болгарскому народу. Они знакомили читателя с жизнью сербских крестьян и объясняли, почему сербские ополченцы еще не могут соответствовать воинским задачам.

Сложные взаимоотношения сербских и русских офицеров, конфликты болгарских добровольцев и сербских солдат, жестокие методы ведения войны черногорцами – все это меркло в конце войны перед катастрофой возможного тотального разгрома Сербии и ее оккупации врагом. На помощь пришла Россия, добившаяся от Порты прекращения боевых действий.

Что же дало добровольческое иностранное присутствие в Сербии? С точки зрения военной организации не так много, ибо добровольческие отряды не успели развернуться, война закончилась через четыре месяца разгромом сербской армии. Столь необходимые артиллеристы прибыли слишком поздно, кавалеристы с изумлением пытались поставить в строй местных маленьких полудиких лошадок, которых англичане прозвали сербскими пони. Но все же этот пестрый многоязычный мир добровольцев не только познакомил сербов с военным опытом разных стран, но и самим добровольцам дал возможность понять сербский народ и его стремления, а вернувшись домой рассказать об этом. Особого внимания заслуживает то, что практически все иностранные добровольцы очень высоко отзывались о русских добровольцах, их мужестве и самоотверженности.

В череде событий Восточного кризиса 1875-78 годов, 150-летие начала которого мы отмечаем, война Сербии и Черногории против Османской империи имеет ключевое значение. Если Боснийско-герцеговинское и Апрельское восстание возмутило мировую общественность и заставило дипломатов великих держав искать способы урегулирования ситуации в Турции, то эта война продолжавшаяся 4 месяца с 18 июня по 18 октября 1876 г., стала поводом и прелюдией к русско-турецкой войне

1877-78 гг. и изменению геополитической обстановки в Юго-Восточной Европе. Войну Сербия вполне ожидаемо проиграла, была спасена от полного разгрома и захвата вражескими войсками только благодаря русскому ультиматуму. Но героическая борьба сербской армии с мощным противником заставила мировое общественное мнение встать на сторону Сербии. Немалую роль в пропаганде идеи помощи борющимся сербам сыграло многонациональное добровольческое движение.

ФЕНОМЕН ДОБРОВОЉАЧКОГ ПОКРЕТА У СРПСКО- ТУРСКИМ РАТОВИМА 1876–1878. ГОДИНЕ

Резиме:

Рад анализира феномен добровољачког покрета у Србији током српско-турских ратова 1876–1878. године, у којима је учествовало више од 5.000 страних добровољаца различитог националног и друштвеног порекла. Најбројнији су били руски и бугарски добровољци, али је покрет имао изразито међународни карактер. Разматрају се мотиви доласка добровољаца, њихов друштвени састав и улога у ратним дејствима, као и однос према српској војсци и становништву. Иако њихов војни значај није био пресудан, добровољачки покрет имао је значајан политички и пропагандни утицај. Закључује се да је добровољачки покрет представљао важан фактор у контексту Велике источне кризе и у обликовању међународне подршке Србији.